

- социативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов [и др.] – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. – С. 751-782.
2. Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии – 1990. – № 2. – С. 143-146.

**PECULIARITIES OF THE ASSOCIATIVE AND VERBAL CHAIN
OF THE COMPUTER TERMS
AT THE DIFFERENT LINGUISTIC LEVELS**

E. A. Yukhmina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The given article studies the peculiarities of the associative and verbal chain of the computer terms on the lexical and syntactical levels. There are singled out the syntactical connections between the stimulus and reaction, forms of expressions and mechanisms of formation of the words-reactions.

Key words: word-reaction, associative and verbal chain, computer terms, linguistic levels, stimulus, syntactical relations.

Об авторе:

ЮХМИНА Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, *e-mail:* alen_vitamin@mail.ru.

УДК 81'23

**ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Статья посвящена анализу общей гносеологической схемы, лежащей в основе исследований языковой картины мира. Такие исследования могут претендовать на систематическую целостность и упорядоченность фиксируемых в языке явлений и фактов, но не на наблюдение сознания пользующегося языком человека. Этому препятствует пассивность самого человека и априорная навязанность ему способов ориентации в мире.

Ключевые слова: языковая картина мира, методология лингвистики, гносеология лингвистики.

Целью данной статьи является попытка ответить на вопрос: какую общую гносеологическую основу имеют исследования языковой картины мира? Проще говоря: что и как изучается такими исследованиями? Следует также учесть методологические следствия такой схемы.

Для ответа на так сформулированный вопрос необходимо рассмотреть исследования языковой картины мира (далее – ЯКМ) в более широком контексте и выявить в них то общее звено, которое и может быть их гносеологической основой. «Общее» в данном случае означает не только «одинаковое», но и особенно главное, ключевое звено между объектом и рассматривающим его субъектом познания.

Первым и одним из важнейших моментов общей гносеологической основы исследований ЯКМ является идея о том, что семантические компоненты ЯКМ с необходимостью, обязательно выражаются в речи. Следует отметить, что названная обязательность компонентов некоторыми учёными не просто высказывается, но постулируется как аксиома. В качестве примера можно привести знаменитую книгу Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва, которая начинается с введения именно этого постулата: «Совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Зализняк 2012: 11]. В том же ключе высказывается Е.В. Урысон: «В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Урысон 2003: 9].

Нередко такая обязательность не постулируется напрямую, а следует из определений ЯКМ. Например, по мнению О.А. Корнилова, ЯКМ – «это не что иное, как вербализованная система „матриц“, в которых запечатлён национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов 2003: 80].

По-видимому, этот постулат связан с тем материалом, который подвергается анализу при исследовании ЯКМ. А в таких исследованиях материалом, как правило, служит лексика и фразеология языка, при этом метод анализа особо не оговаривается. Можно, однако, встретить суждения, что по отношению к ЯКМ семантические единицы языка выступают как строительный материал, кирпичики смысла [Цапенко 2005: 4]. Или что фрагменты ЯКМ закономерно реконструируются из лексико-семантических полей [Леонтьева 2008: 29]. А также что ЯКМ непосредственно выражается в лексиконе словаря культуры [Замалетдинов 2004: 38].

Нетрудно увидеть здесь традиционное понимание языка как системы и презумпцию того, что семантические единицы непосредственно содержатся в языковых элементах, а значит, могут быть полностью и без каких-либо искажений оттуда «вычерпаны». И отсюда следует, что традиционный лингвистический анализ (например, компонентный) способен выявить те

самые элементы, которые и составляют ЯКМ. Пользуясь терминологией Л.В. Щербы [Щерба 2004], можно сказать, что гносеологическим моментом здесь является априорно принимаемая аксиома, что лингвистическая теория (точнее – её методы) напрямую, без искажений отражает в языковой системе (научном конструкте) особенности языкового материала (того, что говорят люди, – совокупность выражаемых и понимаемых в общении мыслей). Иначе говоря, метод познания не вносит никаких изменений в объект познания и отражает в теории именно те свойства объекта, которые и присущи последнему. Онтология объекта оказывается полностью и прямо отражённой в теории, а между теоретическим конструктом, с которым учёному и приходится в конечном счёте иметь дело, нет ничего сверх того, что есть в объекте исследования самом по себе, как нет и остатка в объекте, не учтённого в теории. Смысловой «дебет» и теоретический «кредит» здесь сходятся идеально.

Таким образом, в данном случае можно говорить о совместном рассмотрении языкового материала (совокупности говоримого и понимаемого) и внешней по отношению к нему языковой системы, при этом обе системы берутся как рядоположенные, некоторый элемент одной из них является равновесным соответствующему ему элементу другой. Языковые явления происходят дважды: первый раз – стихийно и неявно воздействуя на сознание человека, общающегося с другими людьми, второй раз – в качестве сознательно и целенаправленно реконструируемых в теории. И это *одни и те же* языковые явления. «Пространство» между ними предполагается однородным, а условия совместного рассмотрения универсальными. Причём направление этого рассмотрения не имеет значения: особенности языкового материала отражаются в языковой системе (т.е. именно присущие первым свойства, а не особенности языковой системы как чего-то внешнего по отношению к языковому материалу), а особенности языковой системы (например, выявленные общие характеристики элементов языкового материала) свободно переносятся на языковой материал. Происходит это всё как бы мгновенно, без промежуточных «состояний» объектов, переносимых из одной системы в другую. Вот почему в исследованиях, посвящённых ЯКМ, говорится обычно о её реконструкции [Павлова 2011: 16]. Как если бы в языковом материале самом по себе уже было всё содержание ЯКМ, но в несколько ином виде, его нужно только достать оттуда и немного преобразовать.

Отсюда следует, что в ЯКМ нет ничего такого, чего не было бы в языке, и наоборот – в языке нет ничего такого, чего не было бы в ЯКМ. Поэтому о ЯКМ, хотя она является системой знаний о мире, правомерно говорить в тех же терминах, в которых говорят о языке (интересно, что система знаний по большому счёту отождествляется с системой средств репрезентации этих знаний). Большинство подходов к ЯКМ остаются в русле традиционных

взглядов на язык, а заявления об антропоцентризме являются следствием более широкого рассмотрения фактов языкового материала с применением традиционных общих гносеологических и методологических предпосылок.

Действительно, способ рассуждения здесь схож со способом рассуждения о традиционных категориях языка, регулярно проявляющихся в языковом материале. Род, падеж, спряжение, вид и т.д. не могут не быть выражены в русском языке, потому и являются обязательными, и никому в голову не приходит доискиваться, не искажают ли языковедческие категории того, что имеется в языковом материале. Они наличествуют в языковой системе постольку, поскольку они (именно они, а не их теоретические «отражения») наличествуют в языковом материале. Иначе говоря, языковые явления заданы в абсолютной и универсальной системе отсчёта, из которой возможно наблюдение за любыми из них – такое наблюдение, которое фиксирует и анализирует свойства языковых явлений как таковые и какими бы они ни были. Языковые категории либо есть, либо их нет (другое дело, что они могут не быть выражены). Так же точно и элементы ЯКМ – либо есть, либо нет (хотя и они, в свою очередь, могут не быть выражены). Коль скоро обнаруживается регулярно проявляющееся единство позиции слова в высказывании, некоторого его формального компонента и аспекта смысла, можно констатировать наличие в языке некоторой грамматической или семантической категории. Принципиальным здесь является, конечно, не случайное, «мутационное» наличие какого-то отдельного элемента, а более или менее постоянно повторяющаяся связь между формальными и содержательными элементами. И для выявления грамматической категории, скажем, рода или вида нет необходимости рассматривать все имена и глаголы данного языка. Тот же способ рассуждения применим и к ЯКМ: коль скоро обнаружен некоторый элемент ЯКМ (например, культурно обусловленные особенности лексической семантики некоторых элементов), более или менее постоянно выражающийся в различных фразах, можно констатировать наличие соответствующей особенности в ЯКМ целиком. Но коль скоро этот элемент наличествует в ЯКМ, то он с необходимостью выражается в речи при каждом употреблении соответствующих ему языковых элементов. При этом также нет надобности анализировать все фразы, содержащие данный элемент ЯКМ, для выявления специфичности или неспецифичности его для данной лингвокультуры.

Отсутствие такой надобности иногда подвергается сверхгенерализации и расширяется до того, что вывод о некотором элементе ЯКМ делается на основе всего нескольких примеров. Одна из самых ярких иллюстраций такой сверхгенерализации видится нам в примере А.Д. Шмелёва. Пословица *Любовь зла, полюбишь и козла*, не даёт, по А.Д. Шмелёву, понимания места любви в русской ЯКМ, зато даёт понимание козла как малосимпатичного существа [Зализняк 2012: 11]. Этот вывод делается на том основании, что

союз *и* в значении «даже» указывает на то, что козла полюбить очень трудно, а поскольку это значение содержится в пресуппозиции высказывания, то оно и принимается как неоспоримое. В связи с этим не вполне понятной становится интерпретация других схожих по форме и пресуппозитивному содержанию пословиц, например: *Борода в честь, а усы и у кошки есть* или *Доброе слово и кошке приятно*.

Возможен иной путь рассуждения, частично затронутый выше: в некотором языке не существует специальных средств выражения некоторого аспекта смысла, который выражается через другие средства (например, определённости/неопределённости в русском языке). Это даёт возможность отойти от категоричных выводов о строгом наличии или отсутствии некоторой грамматической категории в языке, а говорить об относительном характере средств выражения категории: относительно одной категории существуют специальные средства выражения, относительно другой – используются не предназначенные специально для неё средства. Но нам неизвестны исследования ЯКМ, полностью и непротиворечиво базирующиеся на этом принципе.

Абсолютность той системы отсчёта, в которой языковые факты наблюдаются, связана с выводами о большей или меньшей значимости тех или иных аспектов ЯКМ. Если говорить, допустим, что для русской ЯКМ в большей степени характерна фаталистичность, чем, скажем, для англосаксонской ЯКМ, то это может значить две вещи. «Уровень» фаталистичности русской ЯКМ принимается за «нормальный», а «уровень» фаталистичности англосаксонской ЯКМ до этой «нормы» не дотягивает, являясь как бы «отклонением от нормы». Или, наоборот, можно за «норму» принять «уровень» фаталистичности англосаксонской ЯКМ, тогда «уровень» фаталистичности русской ЯКМ будет чрезмерным, т.е. тоже «отклонением от нормы». Очевидно, однако, что ни о какой «норме» говорить не приходится, тем более что неясно, по каким меркам следует подобные объекты сопоставлять (поскольку сопоставимыми величинами называются такие, которые имеют общую меру, которая в данном случае отсутствует). Можно лишь заключить, что фаталистичность в разных языках выражается разными средствами, например, лексикой, имеющей большую или меньшую экспрессивность (скорее даже имеет более или менее явную тенденцию к тем или иным способам выражения). Более того, различия в семантике некоторых элементов двух языков в данном случае интерпретируется как различие во внутреннем мире говорящих на этих языках людей. Если в языке А находят пять глаголов, служащих для выражения, допустим, страха, а в языке Б таких глаголов найдено семь, то отсюда делается вывод, что для носителей языка Б страх является более значимой эмоцией, чем для носителей языка А, первые более чувствительны к страху, чем вторые. Для подобных выводов считается достаточным сопоставление фразеологии двух

языков.

Лежащая в основе абсолютной системы отсчёта гносеологическая схема приводит некоторых исследователей, как уже отмечалось, к выводу об обязательности и помимо воли выражения некоторых аспектов ЯКМ в речи. Нет непроходимой границы (и вообще никакой границы) между фактами языка, их интерпретацией в лингвистическом конструкте и мыслью носителя языка, не говоря уже о том, что «объём» этих явлений равен. Это приводит одновременно к двум заключениям: деятельность человека такова, потому что отражает в себе его язык, полностью подчинена языку, или язык таков, потому что в нём отражаются именно такие особенности деятельности человека. Большое распространение, впрочем, получило второе заключение: деятельность человека подчинена языку, который через ЯКМ не оставляет человеку ничего, кроме как познавать мир заранее и строго определённым способом.

Из всего сказанного видно, что исследования ЯКМ обычно исходят из предустановленной гармонии между языком, его носителем и лингвистом, фиксирующим отношение мыслительного содержания сознания носителя языка и языковых средств, связанных с таким содержанием. Сам же носитель языка оказывается пассивным приёмником того, что содержится в языке и всегда в полном объёме транслируется в него, навязывается ему в качестве ЯКМ – способа ориентации в мире. И такое перенесение подготовленных идей из надиндивидуального языка в индивидуальное сознание человека никак не зависит от активности человека. Но оно качественно не зависит и от активности лингвиста, с той лишь разницей, что этот последний способен, используя методы лингвистики, выявить схемы ориентации в мире, которые по какой-то неведомой никому причине скрыты от рядового пользователя языка.

При всём при этом исследование ЯКМ вполне может претендовать на систематическую целостность, упорядоченность фиксируемых в языке явлений и фактов, но не может, как представляется, претендовать на проникновение в сознание пользующегося языком человека, поскольку активность сознания элиминируется методологией таких исследований. Исключение активности носителя языка из процессов усвоения и реализации способа ориентации в мире позволяет включать в ЯКМ не столько стереотипные способы языковой репрезентации мышления, сколько принципиальную возможность такого стереотипного способа [Нефёдова 2001: 164-165].

В ситуации, когда лингвист знает и решает за носителя языка, какой смысл тот выражает, используя некоторые элементы языка, возможна фиксация смыслов, инвариантных любым изменениям, накладываемым на них речевой ситуацией и речевой деятельностью субъекта речи. Наблюдение не уникального опыта человека в конкретных условиях речевой ситуации, а

инварианта семантики языковых единиц позволяет обобщать разные элементы языковой системы в их потенции фиксировать и выражать некоторый инвариант семантики, т.е. позволяет обобщать инварианты семантики, выражаемой на разных уровнях языковой системы, но безотносительно к тому, что мыслит при этом и что «на самом деле» имеет в виду говорящий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
2. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Р.Р. Замалетдинов; Казанск. гос. пед. ун-т. – Казань [б.и.], 2004. – 499 с. – На правах рукоп.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
4. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т.В. Леонтьева. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 280 с.
5. Нефёдова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации: На материале французских текстов и их переводов на русский язык: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Л.А. Нефёдова; Челябинск. гос. ун-т. – Челябинск [б.и.], 2001. – 312 с. – На правах рукоп.
6. Павлова А.В. Хитрушки и единокор: из истории лингвонарциссизма / А.В. Павлова, М.В. Безродный // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 11-20.
7. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
8. Цапенко С.А. Особенности концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Цапенко; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Северодвинск. филиал. – Северодвинск [б.и.], 2005. – 256 с. – На правах рукоп.
9. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

EPISTEMOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE LANGUAGE WORLDVIEW STUDIES

A. A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper analyses the general scheme underlying the language worldview studies. The systematical and ordered language facts can be observed in such works, but not the speaker individual consciousness due to his/her passivity and the manner of orientation in the world being a priori imposed to him/her.

Key words: *language worldview, linguistic methodology, linguistic epistemology.*

Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Выпуск 35. 2016

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, *e-mail*: mr.koloboque@rambler.ru